

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ЗАМЕТКА *

А.А. ТУАЛЛАГОВ

Начало данной заметки как ответа на статью С.М. Перевалова [56], написанной по поводу моих публикаций [71; 73], дается достаточно легко, поскольку в той уже фактически представлены соответствующие название, эпиграф и вступление. Поэтому сразу перейдем к основной части. Вопрос о надписи Юлия Мансвета, упоминающей реку Алута, и о сведениях Птолемея о реке Алонт был затронут мной только по той причине, что привлек внимание некоторых археологов. Они считали, что, «исходя из территориальной привязки, они могут отражать известия именно о центральнокавказских аланах» [17, с. 152]. Для археологов такое восприятие информации вполне естественно, т.к. проделав огромную работу по изучению раннеаланских памятников региона, они привлекают решения из смежных гуманитарных дисциплин. Такие решения, в непосредственной внутренней связке, и были представлены С.М. Переваловым в докладе и тезисах археологической конференции «Крупновские чтения», что и послужило их ограниченному восприятию археологами.

В своем кратком разборе проблемы мной было указано, что более вероятным является упоминание в надписи Юлия Мансвета реки Алута в районе Карпат, но никак не Кавказа. Поэтому весьма сомнительна возможность отождествления р. Алута надписи и р. Алонт (Терек). Нельзя исключать, как отмечал Э. Уилер, и географическую неграмотность заказчика надписи [98, р. 70-71]. Д. Браунд указывал в отношении Юлия Мансвета, что «... нет ни ма-

лейшего доказательства обычного мнения о том, что он пересек Дарьяльский проход» [15, с. 52], т. е. он не мог появиться в районе Терека.

С.М. Перевалов утверждает, что воздерживается от такого отождествления и лишь приводит мнения других ученых. Но дело в том, что С.М. Перевалов постоянно компенсирует отсутствие доказательств для такого отождествления краткими рассуждениями и утверждениями в других своих публикациях. В одной из них, дав сноску на работу Э. Уилера, он заявляет: «Остается не до конца разгаданной надпись Юлия Мансвета... Если Кавказ, то причем тут приток Дуная Алута? Возможность прочтения «Алуты» как птолемеевой Алонты (Терек) остается, но только как один из вариантов» [50, с. 10]. В другой работе он сетует на то, что «из 10-ти известных ему надписей I-III вв. с аланским этнонимом (включая спорные чтения), отечественные историки используют не более 3-х» [52, с. 110]. В конечном итоге заявляет, что «... далекая «гора Кавказ» в гораздо большей степени достойна упоминания в надписи за одно только пребывание там, нежели гораздо более доступная и близкая область трансильванских Карпат по течению р. Алуты» [55, с. 18].

Приводимые отождествления Алута и Алонт сопряжены с идеей, что название последней связано с названием исторических алан. Собственно, С.М. Перевалов и разделял изначально такой подход, т.к. включал его в свою работу под недвусмысленным названием «Аланы в надписях I-III вв.», а также одновременно указывая на него в хронологически параллельной работе, где укорял Т.А. Габуева в неиспользовании им эпиграфических памятников, упоминаю-

¹ Статья публикуется в редакции, подготовленной автором для журнала «Вестник ВНЦ», но так и не попавшей на его страницы. – Ред.

щих аланов. Изначально никаких данных о существующем ином решении происхождения названия Алонт С.М. Перевалов не приводил. Но уже на следующий год, не упоминая о своем прежнем подходе, он, со ссылкой на Г. Шрамма [78, с. 21, 22, сн. 42)], указывал, что название реки Алонт (Ptol. V, 8, 6) могло отражать не название алан, а быть связанным с древнеиндоевропейским гидронимическим пластом.

В данной связи мной и были приведены некоторые уточнения. Сопоставление названий Алуты и Алонт было произведено гораздо раньше отмеченных С.М. Переваловым авторов [97, с. 357], что было хорошо известно и отечественным исследователям, например, А.Н. Генко [20, с. 706, сн. 1]. Также и решение о древнем индоевропейском происхождении названия р. Алонт было высказано гораздо ранее Г. Шрамма. Оно давно отражено и в русскоязычных изданиях [21, с. 256-257; 24, с. 106], а некоторые исследователи даже конкретно связывали его, например, с носителями древнейшей археологической культуры [74, с. 80].

Сейчас я должен уточнить для С.М. Перевалова, видимо, так и не ознакомившегося с исследованиями, на которые я давал сноску, иначе бы он не задавался вопросом по ссылкам на Г. Шрамма или на В.И. Георгиева и не «сравнивал» их методы и аргументацию. Г. Шрамм игнорировал возможность подробного раскрытия историографического аспекта решения по происхождению названия Алонт. Но она читается по корректно приводимым им сноскам. Г. Шрамм, сам отмечавший, что в его работе «нет данных, которые не были бы известны предшествующей науке», исходил из признания убедительности отнесения названия Алонт к древнеевропейскому гидронимическому пласту, которое восходит, кстати, как и у В.И. Георгиева, к разработкам Г. Краэ. Судя по всему, С.М. Перевалов не ознакомился и с работой А.Н. Генко, иначе бы он не стал задавать постороннего вопроса о ссылках.

В основе названия р. Алонт может лежать тот же индоевропейский корень, что и в названии р. Арагви. В средневековых гру-

зинских источниках и Терек также нередко называется Арагви, что объясняют близостью истоков двух рек. В целом, на Кавказе к данному древнему индоевропейскому наследию относят названия рр. Риони и Арагви. В последнее время к нему предлагается относить и название р. Леуахи [37, с. 28; 7, с. 96-101; 19, с. 940; 25, с. 252]. На территории Кахетии отмечается и топоним Алон-и [18, с. 182]. Не исключено, что тогда и названия р. Араф в Северной Осетии и минерального источника Араф в Южной Осетии имеют в своих основах тоже происхождение [25, с. 252].

С.М. Перевалов указывает, что его критика В.И. Абаева исходила из решения самого В.И. Абаева, что «знаменитый переход г в l перед i (вар. y), представляющий «характерную черту исторической фонетики осетинского языка», произошел ко времени Птолемея, т.е. II в. н.э.». По мнению С.М. Перевалова, жинвальская надпись предоставляет новый материал для прояснения хронологии этапов развития «скифского (скифо-сарматского)» (по В.И. Абаеву) языка», а «постулируемый В.И. Абаевым переход al (l) ana→al (l) an→al (l) on, если он имел место, нужно относить к более позднему времени» [46, с. 49-50; 56, с. 3-4].

В рассуждениях С.М. Перевалова объединены два вопроса: г→l за счет следующего гласного i (y) и а→о перед носовым -n. Первого вопроса я касался по поводу критики С.М. Переваловым Т.А. Габуева, в которой тот добавлял со ссылкой на В.И. Абаева, что переход г→l произошел у причерноморских скифов в результате контактов с их европейскими соседями. Все это было необходимо ему для отрицания гипотезы о возможном помещении прародины алан в Средней Азии [45, с. 214]. Указанная ссылка увязывалась им и со ссылкой на работу археолога Б.И. Вайнберг, которая, опять же со ссылкой на В.И. Абаева, отмечала отсутствие подобного перехода для иранских языков Восточного Туркестана и Средней Азии. Отсюда следовал вывод, что данный переход произошел у алан за счет соседства или

взаимодействия со скифами, или такое название дали им сами скифы [16, с. 265].

Исследователи, обратившиеся за консультацией к профессиональному лингвисту, оперативно отметили ошибочность попыток С.М. Перевалова подобным образом искать лингвистические аргументы для отрицания возможности помещения прародины алан в Средней Азии [23, с. 100, сн. 10]. Кроме того, речь даже не шла о поисках лингвистической аргументации через работы археологов. При междисциплинарном подходе к решению определенных вопросов следует быть более внимательным при привлечении основополагающих в данном случае разработок лингвистов. Проблема перехода $r \rightarrow l$ как результата контактов скифов с их европейскими соседями, по В.И. Абаеву, не имеет никакого отношения к $*\bar{a}r\bar{y}\bar{a}na \rightarrow alana$, т. к. в последнем случае речь шла о $r \rightarrow l$ за счет следующего гласного i (y), т. е. о появлении вторичного l [82, р. 24; 4, с. 328, 331], что отмечалось в приложении к осетинскому языку еще В.Ф. Миллером [39, с. 658], а затем и многими другими лингвистами. Именно этот переход и имела в виду Б.И. Вайнберг.

В последнее время появились исследования специалистов, которые полагают, что переход l (i), ll из древнеиранской группы $*ri$ (ry) был характерен для сарматского, но не для скифского языка. Однако более обоснованным представляется заключение, что данный переход, как и *непереход* (курсив мой. – А. Т.), были характерны для обоих языков, т. е. они представляли собой дифференцирующий признак не между языками, а внутри каждого из этих языков [88, р. 11-12; 27, с. 214-215]. Была также выдвинута гипотеза о наличии данного перехода и в киммерийском языке [26, с. 88, сн. 6].

Мной отмечалось, что, возможно, в отношении скифского материала специалистам следует рассмотреть давнее предположение о возведении имени царя Малой Скифии в Добруджи $A\bar{l}\bar{i}\bar{c}$ к $*airya$ [70, с. 28]. Имя $A\bar{l}\bar{i}\bar{c}$, в таком случае, может быть сопоставлено с именем главы переводчиков аланов $\bar{H}paka\bar{c}$ Повтикою, отмеченном в над-

писи 208 г. н. э. из Гермонассы [35, №1053]. Имя $\bar{H}paka\bar{c}$ возводят к $*airya$, что может указывать на наличие упомянутого дифференцирующего признака и внутри аланского языка. Параллелью аланскому имени может служить встречающаяся в специальном охотничьем языке диг. лексема $ir\bar{a}g$, которой обозначали мужчину средних лет. Но С.М. Перевалов для $*airya \rightarrow \bar{H}paka\bar{c}$ отмечает только, что «постулируемый некоторыми лингвистами переход $*ary- \rightarrow *ir$ считается сомнительным», давая ссылку на работу В.И. Абаева, единственного среди исследователей обосновывавшего такое возражение, и на работу А. Алемани [54, с. 5], которая в данном вопросе вторична (А. Алемани ошибочно называет местом находки Пантикапей). Во-первых, в указанном случае речь идет не об $*ary-$, а об $*airya \leftarrow *ary$. Во-вторых, как прошлые работы «некоторых лингвистов», так и проанализированные новые материалы противостоят отдельному случаю отрицания [30, с. 410-414].

Более весомой преградой для сопоставления названия Алонт Птолема с названием аланов я считал совсем иное наблюдение. Данное сопоставление требует признания произошедшего перехода $a \rightarrow o$ перед носовым $-n$, что фиксируется в осетинском языке, подтверждаясь, в том числе, известной формой $allon$. Однако данные той же жинвальской надписи, Зеленчукской надписи, примеры аланских фраз Иоанна Цеця, ясского глоссария, аланских маргиналий средневековой византийской рукописи указывают на то, что данного перехода не наблюдалось еще спустя столетия после создания труда Птолема. По мнению специалистов, в том числе и В.И. Абаева, он представляет собой довольно позднее явление [1, с. 885; 85, s. S. 242; 29, с. 106; 89, р. 43; 75, с. 19, 56; 93, р. 596]. Собственно, у самого Птолема тому противостоит, например, название Кубани Вардан, которое он дает среди других названий реки (Ptol. V. 8, 4-5). Оно сохраняется, хоть и в искаженной форме Тоттордан, у Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XXII, 8, 29). Об отсутствии перехода и позднее могут, например,

свидетельствовать названия северокавказских рек, в которых сохранялось *-dan* [34, с. 89-90; 33, с. 137-138, 239; 25, с. 246-247]. У осетин оно сохранилось только в Нартовском эпосе в названии Волги Арфадан. Следует отметить, что мнение Г. Шрамма о неубедительности решения В.И. Абаева о славянском названии Дона через осет. переход *an→on* [78, с. 39] сомнительно. В.И. Абаев предполагал здесь общеславянский переход *a→o*, т. е. славяне познакомились с формой *dan* [2, с. 367].

Несколько противоречит данному явлению сообщение армянской «Ашхарацуйц» Анания Ширакаци (VII в.) о реке Алан-дон (С.М. Перевалов, к сожалению, не уточнял происхождение данного названия, выставляя его перед сноской на Птолема), вторая часть названия которой должно уже представлять такой переход. Но и в данном случае речь идет о гораздо более позднем времени. Кроме того, пространная редакция «Ашхарацуйц» дает форму «*Alandan*» [6, с. 369].

Все вышеуказанное позволяет мне оставаться на той мысли, что С.М. Перевалов меняет свою изначальную позицию по вопросу о происхождении названия Алонт, просто следуя изолированно взятому им решению Г. Шрамма, совершая, как говорил по подобным поводам В.И. Абаев, свое «запоздалое открытие». Зачем ему понадобилось запутывать затронутый мной историографический аспект проблемы [56, с. 2-4], может объяснить только сам С.М. Перевалов. Исходя же из дальнейшего содержания его статьи, я могу предполагать, что имею дело с подготовкой к обоснованию главного и давно волнующего его вывода. Затруднение представляет только то, что С.М. Перевалов, настаивая на соблюдении известного правила о том, что «полемизировать надо именно в границах, обусловленных предметом, не подменяя тезиса», сам этому правилу не следует.

Дальнейшая полемика С.М. Перевалова касается вопроса, ради которого во многом, видимо, и написана им статья в целом, о надписи «*BAKOUP AΛANA*», нанесенной на сердоликовую гемму, вставленную в же-

лезный перстень, который был найден в грунтовом погребении № 18 Жинвальского могильника. Я вновь обратился к историографическому аспекту вопроса, поскольку некоторые исследователи решили, что «...находка в соседней Грузии отмеченного С.М. Переваловым перстня из могилы 18 в Жинвали с надписью II в., включающей и имя Алана...», связана с группировкой алан Предкавказья [81].

Мной было указано, что впервые сведения о находке были дано в кратком отчете Жинвальской экспедиции об археологических исследованиях в 1974 г. [58, с. 458]. В нем сообщалось о том, что среди прочих находок представлены железные и серебряные перстни с геммами, «...в том числе одна с греческой надписью *BAKOUP*». На следующий год практически тем же коллективом исследователей [59, с. 72] был опубликован более пространный отчет, в котором отмечалось: «В погребении позднеармазского времени (№ 18) выявлен именной перстень с резным сердоликом-инталей овальной формы. На поверхности камня вместе с характерным сюжетом из круга Диониса греческими буквами вырезано грузинское имя «Бакур...» В описании таблицы, прилагавшейся к статье, отмечалось: «Жинвальский могильник, XXV участок. Перстень позднеармазского периода с надписью «Бакур» (2)». В самой таблице была впервые помещена фотография перстня с нанесенной надписью (Таб. I, 2).

Двойное, усеченное воспроизведение «греческой надписи» продолжилось и в других публикациях уже более узкого круга из числа тех же исследователей: «Бакур...», «Бакур» [57, с. 38; 40, с. 169]. Вторая публикация фотографии печати, но уже сопровождавшаяся в подписи к ней транслитерацией «*BAKOUP AΛANA*», была дана Д. Браундом, предположительно датировавшим находку III в. н.э [87, р. 247, pl. 20]. Э. Уилер обратил внимание на аланскую составляющую во втором слове надписи («*Bakur the Alan*», т.е. «Бакур алан»), усмотрев в ней свидетельство раннего проникновения алан в Иберию [98, р. 59; 99, р. 219].

Первоначально С.М. Перевалов, со

сноской на публикацию Р.М. Рамишвили и В.А. Джорбенадзе [57, с. 38] и публикацию Д. Браунда, определял в имени «Бакур алан» (Bakur Alana) «...иранскую форму аланского имени как производную от aruana («арийский») и переходную к alana...» [44, с. 108]. В упоминавшейся его синхронной по времени статье автор, указывая на имя «Бакур алан» (BAKOUR ALANA), добавил в сноску, определяющую источники его информации, работу Э. Уилера [98, р. 59]. Данный подход был сохранен и в следующих публикациях, в которых автор указывает на восприятие ALANA как этникона (племенное название), переданного в иранской форме. Причем данное решение обставлялось выбором для выяснения значения слова «алан» (alana) между этником и этнонимом, ставшим вторым именем [46, с. 49-50; 47, с. 191-192].

Собственно, С.М. Перевалов, хотя изначально указывал только, что Э. Уилер «...обратил внимание на второе слово надписи...» как на свидетельство «...о раннем проникновении сармато-аланского элемента в иберийское общество...» [46, с. 48], затем не отрицал, что «на аланский этникон в надписи (Bakour Alana = англ. Bakour the Alan), как на свидетельство раннего проникновения аланов на территорию Иберии (восточная Грузия), обратил внимание американский антиковед Э. Уилер [53, с. 201-202].

Но теперь С.М. Перевалов зачем-то вновь стал запутывать историографический аспект проблемы. Приведение мной неучтенных им первых публикаций о жинвальской находке он считает бесполезным, но имеющим скорее библиографический интерес. Их он «...не читал (ни тогда, ни сейчас) ...» Следует вопрос: «А каким образом фотография без точного описания могла «привлечь» алановеда, собирающего материал?» Но в одной из недавних публикаций С.М. Перевалов сам очень четко все видит по фотографии [53, с. 203-204].

Объясняется, что именно Д. Браунд является первым публикатором полной надписи. Зачем-то далее следует переход к выяснению вопроса, как его воспринимает сам С.М. Перевалов, о принадлежности

пальмы первенства между Д. Браундом и Э. Уилером, о том, что Э. Уилер воспринимал надпись как греческую, а теперь, неожиданно узнав о ее аланском происхождении, обещает в письме С.М. Перевалову ссылаться на его статью. «Щекотливую тему «первенства» в открытии жинвальской надписи» С.М. Перевалов завершает, в том числе, выводом, что «правильное чтение предложено британским профессором Д. Браундом, за мной остается... ее интерпретация как памятника аланского языка и аланской письменности». А разве я касался данных вопросов или касался их в каком-то ином виде? Откуда все эти предметы обсуждения и тезисы?

С.М. Перевалов описывает сложности, продиктованные прорисовкой и восприятием надписи другими исследователями, хотя данные сложности, как и сам артефакт, ему самому не были известны на момент предъявления собственного перевода надписи, поскольку он пользовался транслитерацией Д. Браунда и определением ее «аланской составляющей» Э. Уилера. Он предлагает мне заняться работой Т.С. Каухчишвили, которая ему самому, естественно, недоступна и с ней он знаком только со слов А.Ю. Виноградова. В данном случае, что обсуждать самому С.М. Перевалову, кроме собственной сноски на работу Т.С. Каухчишвили [54, с. 5]?

Отрицательную реакцию вызвала и моя попытка по уточнению значения ALANA, которым параллельно с С.М. Переваловым занимается А.С. Балахванцев. Я отметил, что, будучи антиковедами, они вполне справедливо обратились к данным иранистики. Но если А.С. Балахванцев привлекает данные этой научной дисциплины по существу [60, с. 151], то С.М. Перевалов, опираясь на отмеченную лингвистическую реконструкцию, исходит из сведений о древнеиранском прилагательном *āryāna – «арийский», как он и представлял в своей первой публикации. В таком виде решение представлено и в прошлых, и в современных исследованиях специалистов [92, s. 41; 84, col. 198; 42, с. 8, сн. 5; 61, с. 223-224; 75, с. 34, 55, 177, 210 и др.]. Поэтому я полагал

более обоснованным видеть в АЛАНА непосредственное развитие прилагательного *āyāna. С. М. Перевалов в ответ ссылается на работу В. И. Абаева, в которой название аланов выводится из агуана – «арийский», «ариец», оставляет иранистам рассуждать о том, когда произошла субстантивация в слове «арийский» – «ариец», а мне предлагается возражать В. И. Абаеву. В какой момент произошла «подмена тезиса»?

Парадоксально, но С. М. Перевалов негативно воспринимает даже высказанное мной в пользу его и А. С. Балахванцева направления интерпретации АЛАНА замечание, что оно «лежит на поверхности для любого исследователя, занимающегося изучением аланских древностей». В ответ он заявляет о многих трудностях в своих объяснениях коллегам такой интерпретации. Туманность контекста объяснений не позволяет определиться, кого он имеет в виду под коллегами, и какое отношение они имеют к изучению аланских древностей.

Что касается непосредственно моего подхода к возможной интерпретации надписи, то он исходил из следующих наблюдений. Изначально авторами находки слово ВАКОУР были интерпретировано как собственно грузинское, а надпись как греческая, что впоследствии не нашло подтверждения. Почему археологи Грузии не информировали работавшего у них Д. Браунда, что они уже публиковали фотографию перстня с надписью, не берусь обсуждать. О семантике АЛАНА говорилось выше. Отсутствие его в текстовой части публикаций археологов Грузии я предполагал за счет возможных трудностей восприятия конфигурации его нанесения в соотношении с первой лексемой или трудностей лингвистического характера для археологов.

Но меня больше заинтересовало наличие в надписи конечной -с, использование которой, вкупе с неточным восприятием самой лексемы, привело, например, А. Ю. Виноградова в начале 2006 г. к иной трактовке надписи (<http://ampelios.livejournal.com/54249>). Я выразил согласие с С. М. Переваловым, что данная трактовка ошибочна. Но его заме-

чание, что «отмеченная А. Ю. Виноградовым (вслед за Т. Каухчишвили?) конечная сигма (с) почти не просматривается и вряд ли принадлежит тому же резчику» [53, с. 204], нисколько не объясняло ситуации, а вело просто к самоустранению от ее возможного решения. Конечная сигма, не учитывавшаяся Д. Браундом и Э. Уилером, действительно, хорошо видна на фотографиях перстня.

Как известно, даже небольшой факт имеет для науки большее значение, чем самая аргументированная научная гипотеза. А факт был таков, что жинвальская надпись не получила своего полного прочтения. Кроме того, в интерпретациях С. М. Перевалова и А. С. Балахванцева оставалась, на мой взгляд, еще одна необъяснимая деталь. Еще сами авторы археологической находки считали, что мы имеем дело с «именным перстнем». Решение возможное, но не единственно допустимое. Надпись «Бакур аланский» нанесена на инталию, уже имевшую изображения дерева, животного, сосуда и человека, что могло привести к ее несколько анекдотичному восприятию, т.к. надпись окружает изображение животного.

Я предположил, что -с могла бы представлять собой отдельную лексему, которая должна была быть очень короткой, причем, подвергнутой при написании сокращению за счет предшествующих букв или буквы. На первый взгляд, она может быть сопоставлена с диг. (j) es, ирон. i (s) – «есть», т.е. надпись бы читалась как «Бакур аланский есть». Однако такое чтение логично требовало наличия соответствующего изображения на инталии, что только усугубляло анекдотичность ситуации при восприятии реального изображения. Но эта же самая лексема имеет и значение «имущество», «достаток», «богатство» (буквально «(то, что) есть»). Следовательно, надпись могла бы читаться и как «Бакура аланского имущество». Поэтому я предположил, что -с могла быть нанесена одновременно со всей надписью, но несколько нечетко, т.к. она уже «наезжала» на изображение, или была добавлена позднее, чтобы избежать указанной выше ситуации в восприятии.

С.М. Перевалов изначально вообще опускал «вопрос интерпретации сцены» [46, с. 49]. Затем, обсуждая подход А.Ю. Виноградова к чтению надписи, он решил, что «...надпись, скорее всего, никак не связана с изображением. Можно лишь предположить, что она случайно попала к последнему своему владельцу, который решил использовать ее в качестве печати, для чего и заказал вырезать надпись со своим именем. Подобные операции часто проводились со средневековыми резными камнями, когда на античной камее с изображением, скажем, Клеопатры, появлялась надпись «дева Мария», и т.д.» [53, с. 205]. Теперь, определяя уже мой подход, он считает его «слишком замысловатым», отмечая, что «нужен профессиональный разбор сюжета (вероятно, религиозного характера), чтобы уточнить возможность корреляции изображения и надписи» [56, с. 7].

Исследователям древностей хорошо известно, что использование инокультурных образов было возможно только при адаптации и восприятию через собственные культурные представления и традиции. Тот же приводимый С.М. Переваловым пример и может отражать данную ситуацию, т.к. вряд ли под портретом Клеопатры решила подписаться сама дева Мария. Учитывая же аланский характер надписи, логично предполагать соответствующее положение и с изображенной на жинвальском перстне сценой. Что касается ее непосредственной интерпретации (к вопросу об историографии), то она изначально определена как «характерный сюжет из круга Диониса» [59, с. 72; 57, с. 37], что давно известно и С.М. Перевалову [46, с. 47]. В данной связи мной готовилась отдельная публикация по возможности иного подхода к интерпретации надписи. Но в сложившихся обстоятельствах я готов привести ее сейчас.

В прошлом, например, в Грузии символом осетин стал Вачила (Вачина), который ассоциировался с козлом. Осетин даже наделяли прозвищем «вачилы» [69, с. 543-545]. Оно было связано с популярнейшим у осетин культом древнего грозового божества *Elia/Wacilla* – «Святой Илья», чье

имя являлось результатом ономастической христианизации. Его культ был настолько популярен, что некоторые сторонние наблюдатели даже полагали, что именно *Wacilla* занимал главенствующее положение в осетинском пантеоне. В специальных празднествах, посвященных *Wacilla*, божееству жертвовался черный козел, шкура которого вывешивалась на высоком шесте, изготовлявшегося из ствола дерева. Подобная жертва преподносилась ему и в обряде по случаю поражения молнией. Шкура козла могла набиваться соломой.

Образ *Wacilla* был тесно связан с аграрным культом, с представлениями об изобилии, богатом урожае, дожде и т.д. [72] В культе Диониса также выступают яркие аграрные черты, связанные с культом плодородия, изобилия и т.д. Несмотря на возражения [13, с. 54-55], привлекает внимание следующее наблюдение В.И. Абаева: «В культе грозового божества *Wacilla* настолько большую роль играет козел, что возникает мысль, не является ли тотемический культ козла древнейшей формой этого культа» [3, с. 313]. Если учесть приведенные данные, то нанесение надписи на жинвальском перстне вокруг фигуры именно козла могло бы рассматриваться в ином свете. Кроме того, все нанесенные на изображении объекты вполне могли быть осмыслены в свете данных о культе *Wacilla*, что не снимает возможного подхода к интерпретации надписи как «Бакура аланского имущество».

Можно предположить, что надпись «Бакур аланский» могла быть связана с культом древнего божества и фиксирует его имя или эпитет «Бакур» – иран. «Сын бога» (или обозначение жертвенного животного, чей образ мог ассоциироваться с древним зооморфным образом божества?), который впоследствии, в процессе христианизации, был заменен на *Wacilla*. В таком случае не исключено, что надпись «Бакур аланский» связана не с конкретным человеком, а с образом и названием древнего божества. В свою очередь, это может поставить вопрос о том, что название «Бакур аланский» отражает не столько этни-

ческое определение, сколько относится к той религиозной сфере, которая, например, определяла такое название божества, как *Aryaman* (*Airyaman*) – «Обладающий духом *ārya*» или *Alan*, божества, почитавшегося в некитайском г. Комул за Турфаном [6, с. 29, сн. 10]. Следует также напомнить, что установленное исследованиями происхождение названия *alan* (*alan* ← *al (y) *ana* ← *āryāna (или *āryānām*) ← *ārya) возводится, в конечном итоге, к *ārya – «арийский» [83, р. 803], в значении «благородный», «свободный». Анализ специалистов особенностей функционирования данного термина у ираноязычных народов показал, что у них данный термин, будучи наследием от общеиндоевропейского состояния, прежде всего, маркировал социальный аспект [36, с. 148-161].

Я, как и прежде, полагаю, что «надпись все еще не получила своего полного научного прочтения и нуждается в обращении к ее изучению специалистов по иранскому языкознанию». Я, как и прежде, полагаю, что «помочь объяснить наличие в надписи только -с» могло бы возведение диг. (j) *es*/(j) *e*, ирон. *i* (s) – «есть» («находится», «существует») к соответствующим праформам [73, с. 168]. Речь шла об *asti или *aiša, авест. *aeša*, иран. *ais, индоевр. *ai-s- (?) [95, s. 328; 5, с. 15; 30, с. 358-362; 75, с. 19, 139, 178, 195-197, 330].

Я сознательно воздерживался от дальнейшего обращения к возможным подходам решения, т.к. это бы вело к углублению в сферу иранского языкознания, в котором на сегодняшний день представлены определенные разработки по интересующему вопросу. Но они могут оцениваться только соответствующими специалистами. Здесь, например, представлено решение о возведении (j) *es*/*i* (s) непосредственно к местоимению *aiša-. Обращено внимание на совпадение диг. (j) *es* с местоимением 3 лица ед. ч. (j) *e* – «он» (восходит к *ya*), а потому замечается: «...не следует ли дигор. *jes* разлагать на *je-s* «он есть». Вообще здесь еще много неясного» [28, с. 622-623; 30, с. 361, 362]. Если я правильно понимаю, здесь представлена возможность примера сокращения в сочетании глагола «быть» до

s. Для (j) *es*/*i* (s) полагается закономерное выпадение *t в конце слова после *s* в *asti [28, с. 578], приводящее, видимо, к *as. Но и в этом случае я не мог далее обращаться к проблеме возможной передачи при написании последней лексемы только в форме -с, например, по типу отмеченного «доосетинского явления» возможности сокращения гласных в сложных словах на стыке образующих их лексем [28, с. 574].

Вновь должен пояснить С.М. Первалову, т.к. вопрос принципиальный. Я никогда не занимался чтением эпиграфических памятников. Мной только предполагались возможные подходы к их решениям, которые лежат исключительно в области компетенции эпиграфистов и лингвистов, в нашем случае прежде всего иранистов, обладающих соответствующими специфическими научными знаниями и инструментарием. Потому я, в отличие от С.М. Первалова, и не считал возможным «...самолично выявить древнейший памятник аланской письменности» [56, с. 7].

Я осознанно отмечал более архаичные черты дигорского диалекта осетинского языка [73, с. 163], в связи с чем и ставил, вопреки принятой словарной практике, сначала дигорские, а затем иронские формы, а также приводил их выявленные лингвистами праформы, т.к. решение проблемы чтения надписи должно проводиться именно с учетом исторического развития языка. Полагаю, что С.М. Первалов и сам вполне осознает границы своей компетенции, поскольку на конференции иранистов, проходившей на базе РГГУ 14-15 февраля 2006 г. он уже ни словом не упоминал о ней [48, с. 84-86].

С.М. Первалов, который отмечает, что не относит «себя к знатокам иранских языков, и при необходимости обращается к разработкам специалистов», решает, тем не менее, самостоятельно «провести проверку предложения А.А. Туаллагова». Она, в конечном итоге, сводится к утверждению, что мной непосредственно использован современный осетинский глагол, сделано произвольное допущение наличия в надписи -с, и допущено предположение об утрате *i*

в is (? – А. Т.), сопровождаемое сноской на «аналогичную попытку восстановления иронского (i) s у Г.Ф. Турчанинова в надписи на абхазской гемме» [56, с. 7]. Пример с Г.Ф. Турчаниновым достаточно показателен, т.к. практически никем из специалистов его прочтения не были поддержаны. Зачем понадобилось ставить все с ног на голову под видом «проверки»?

Наверное, затем же, зачем несколько далее С.М. Перевалов утверждая об ошибочности расширения списка текстов аланского происхождения за счет слов аланского происхождения, но из других языков, указывает, что «...это делает А.А. Туаллагов, считая аланским чисто греческое по форме слово Уартафарн» [56, с. 8]. Речь идет о надписи, выполненной на золотом амулете, который был датирован II-I вв. до н.э. по палеографическим данным и технике исполнения надписи. Сама надпись Θεω Ουαταφαρνω («Богу Уатафарну») является греческой и составлена по правилам греческого языка. Исследователей в ней привлекло имя божества Уатафарн, которое они считают, несомненно, иранским, несколько расходясь в определении значения его первой части, а также обращаясь к сведениям по осетинской этнографии.

Первое исследование надписи было произведено В.Ф. Миллером, который отнес упоминаемое в надписи божество к культу сарматских племен, а признание осетинского языка наследником иранского языка сарматов позволило исследователю достаточно аргументировано перевести название божества и определить его функциональные характеристики. Все эти данные были приведены более подробно в одной из моих работ [72, с. 108-111], к которой можно легко обратиться и убедиться в несоответствии утверждения С.М. Перевалова действительности.

Но, собственно, кому возражает С.М. Перевалов, если при его личном подходе, основанном на опыте А. Алемани, создается картотека, в которой «...примерно половину составляют надписи греческие (по языку и/или письму)» [54, с. 3]? Не этот ли подход, например, позволил ему

включить в свой каталог аланской эпитафии надпись из Анапы второй половиной II в. н.э., в которой упоминается некий Άλα [νικòς] Χοσσοῦ, чье имя Άλα [νικòς] не только восстановлено предположительно, но и читается как «Аланский» в соответствии с правилами греческого языка [35, № 1142; 100, s. 332]?

На недавно прошедшей (07.02.2013) научной сессии СОИГСИ¹ С.М. Перевалов информировал о том, что сейчас готовится статья, если я правильно понял, С.А. Иванова, в которой предлагается интерпретировать жинвальскую надпись как Βακουρ αλαναυ, т.е. «Бакур аланский». Таким образом, предлагается учитывать наличие конечной согласной в надписи, которое упорно отрицает в случае «полемики», видимо, только со мной С.М. Перевалов. В данном случае конечная -ς, если я правильно понимаю, должна интерпретироваться как -υ. Но в таком случае, речь идет об отрицании постулируемой С.М. Переваловым формы αλανα, т.к. мы должны иметь дело с суффиксом -ag, достаточно продуктивным и в современном осетинском языке (ag←ak←*ā-ka).

Важное значение в процессе исследования жинвальской надписи, ознакомление с которой произошло через публикацию Д. Браунда, но прежде игнорировалось из-за сомнений о месте производства геммы [8, с. 51, сн. 57], имели исследования А.С. Балахванцева [9, с. 10; 10, с. 14]. Исследователь совместно с археологом В.В. Николайшвили закономерно обратился к материалам самого погребения, из которого происходит находка, т.к. прежде собственно археологический аспект находки игнорировался. Было установлено, что погребение, по сопровождающему инвентарю, принадлежит женщине, т.е. отдельно взятый перстень не может рассматриваться как прямое указание на присутствие здесь аланов, как полагал С.М. Перевалов. Сама гемма могла быть изготовлена римским ма-

¹ Научная сессия, приуроченная ко Дню российской науки, на которой с отчетными докладами выступали научные сотрудники СОИГСИ. – *Ред.*

стером в I-II н.э., надпись на ней, судя по ее палеографии, нанесена в конце II-первой половине III вв. н.э., погребение, исходя из археологических, нумизматических и палеографических данных, было совершено в первой половине III вв. н.э. [11, с. 74-76; 12, с. 130-135].

Мной были высказаны возражения против однозначного отрицания возможности присутствия аланов на территории Грузии того времени, исходя из некоторых археологических наблюдений других исследователей. Кроме того, В.Б. Ковалевская, обращаясь к проблеме выявления аланских древностей в Закавказье, отмечала появление данных об отдельных катакомбных погребениях и целых могильниках в Грузии III-IV вв. н.э. В данной связи сообщалось и об исследовании 50 катакомб Жинвальского могильника V-VI вв. н.э., с материалами которых ее познакомил Р.М. Рамишвили и В.В. Чихладзе, уже готовившая соответствующую научную публикацию [31, с. 31].

На фоне данной информации появляются вопросы, т.к. и до нее и после выходили небольшие публикации В.В. Чихладзе о 51 катакомбном погребении Жинвальского могильника (распределены по 6 четким рядам и содержат останки 158 погребенных), которые интерпретировались как погребения местного христианизировавшегося населения, а происходящий из них материал датировались IV-V вв. н.э. [76, с. 1-12; 77, с. 176-178]. К сожалению, краткость информации не позволяет судить об обоснованности представленных трактовок, которые сами по себе не могут не вызывать критических замечаний. Вместе с тем, жинвальские катакомбы сопоставлялись с отдельными катакомбами (среди погребенных в них отмечается обряд искусственной деформации черепа) могильников в окрестностях Тхотской горы, которые предлагалось связать с проникновением небольшой группы аланского населения, ассимилировавшегося в местном обществе [38, с. 104, 111].

Трудно понять, и почему у С.М. Перевалова работа В.Б. Ковалевской фигурирует среди работ, в которых присутствие аланского элемента в Закавказье на основе ар-

хеологических данных фиксируется только с VI в. н.э. [46, с. 52]. Кроме того, С.М. Перевалов там же пытался уточнить и датировку северокавказских аланских памятников. Но его уточнения основывались на вырванных из общего контекста или своеобразно интерпретированных наблюдениях М.П. Абрамовой и Т.А. Габуева, чьи работы не давали никакого повода для подобных уточнений, кроме, видимо, желания продемонстрировать особую важность жинвальской надписи в историческом контексте.

У С.М. Перевалова недовольство вызывают мои наблюдения о его предпочтении действовать через работы зарубежных исследователей. Но, ведь, именно так он действует при обращении к жинвальской надписи, в которой не учитывалась -ς? Не работает ли он именно по транслитерации маргиналий византийского манускрипта, после установления их аланского происхождения [14], хотя, в отличие от положения с жинвальским перстнем, оригинал источника вполне доступен, т.к. хранится в библиотеке РАН Санкт-Петербурга? Такой подход особенно оригинален для того, кто не в первый раз [43, с. 99] призывает отечественных исследователей: «Начало – это источники. Ex fonte bibere – старый, как сама наука история, лозунг» [49, с. 23].

Такой «подход» порой может поставить автора в неловкое положение. Например, он до сих пор уверен [54, с. 4], что найденный в 1984 г. фрагмент ольвийского декрета из Мангупа (Крым) известен только по предварительной информации Ю.Г. Виноградова. Как о неопубликованной надписи он говорил и на упомянутой сессии СОИГСИ. Моя попытка подсказать, что дело давно обстоит иначе, вызвала со стороны С.М. Перевалова какое-то нервное отрицание.

Осознавая наши разные представления об историографии и ее задачах и рискуя вновь быть обвиненным в «блохоискательстве», позволю себе сделать уточнение. Первая предварительная краткая информация о найденном фрагменте декрета была дана автором находки В.А. Сидоренко [62, с. 86-87; 63, с. 65]. Также кратко и коррек-

тно информация о нем была приведена Ю. Г. Виноградовым. Сведения о фрагменте декрета не остались незамеченными исследователями [79, с. 217-218; 80, с. 177-178; 67, с. 162]. Вскоре В. А. Сидоренко полностью опубликовал и проанализировал его [64, с. 35-59, 485, рис. 1]. Уверенность же С. М. Перевалова в его «неопубликованности», видимо, легко объяснима. Он сам отмечает, что «надпись включена А. Алеманем в свод аланских источников». В работе же А. Алемани, одним из рецензентов которой выступал С. М. Перевалов, надпись, со сноской на Ю. Виноградова, и сопровождается пояснением – «неопубликовано» [6, с. 163, сн. 83].

Во второй части статьи С. М. Перевалов окончательно отходит от «предмета полемики». Она вводится в том числе через цитирование, причем не первое [49], высказывания В. М. Гусалова, которое, видимо, представляется, в силу каких-то известных только ему данных, авторитетным. С. М. Перевалов затем оказывается и в роли научного биографа всемирно известного ираниста В. И. Абаева, определяя, что «в последние десятилетия жизни В. И. Абаев ослабил свою научную активность, стал меньше следить за литературой, замены ему не нашлось, и достижения западных исследователей перестали поступать к советским ученым». «Вывод» сопровождает рассуждения об истории изучения аланской фразы из «Теогонии» Иоанна Цеца.

Впервые она была опубликована в 1930 г. И. Моравчиком, который ссылаясь на сообщение Б. Мункачи, что некоторые слова могут быть определены при сопоставлении с осетинским языком. В 1935 г. аланская фраза была блестяще проанализирована В. И. Абаевым, установившим ее собственно аланский (восточноиранский) характер. В 1937 г. Б. Мункачи представил соответствующие объяснения некоторых слов из фразы. В 1939 г. вопрос аланской фразы рассматривался Д. Герхардом. В 1953 г. Х. Хунгер ввел в научный оборот полный и лучшей сохранности вариант фразы. Публикация была достаточно быстро замечена, в том числе, византиниста-

ми нашей страны. В вопросе самой аланской фразы сноски С. М. Перевалова несколько абстрактна. Гораздо показательней была бы сноска, например, на публикацию М. В. Бибикина, в которой в отношении самой аланской фразы, с учетом работы Х. Хунгера, справедливо сохраняется указание на исследование В. И. Абаева [14, с. 118].

В 1990 г. Р. Бильмайер, обратив внимание [86, s. 2] на отсутствие у В. И. Абаева и Г. Бейли сноска на работу Х. Хунгера в статье «Аланы» первого тома «Encyclopædia Iranica» 1985 г. (в сносках отмечены работы В. И. Абаева и Д. Герхарда. – А. Т.), провел собственный тщательный анализ опубликованной Х. Хунгером рукописи. У С. М. Перевалова данное наблюдение дается непосредственно по «Encyclopædia Iranica» [56, с. 9], что, видимо, должно восприниматься как его собственное историографическое наблюдение? К анализу аланской фразы специалисты обращаются вплоть и до наших дней [30, с. 179-202; 94, р. 22]. Что касается сетований и восклицаний С. М. Перевалова о том, что В. И. Абаев «...стал меньше следить за литературой, замены ему не нашлось, и достижения западных исследователей перестали поступать к советским ученым», «...отечественная аланистика в течение 45 (!) лет находилась в неведении относительно весьма важного для алановедения памятника», то достаточно было бы заглянуть в фонд В. И. Абаева, хранящийся в библиотеке СОИГСИ, чтобы обнаружить в нем труд Р. Бильмайера.

Таким образом, В. И. Абаев был хорошо осведомлен о продолжающихся исследованиях своих коллег по вопросу аланских фраз Иоанна Цеца. Почему он вновь не подключился к нему? Своим авторитетное слово он уже давно сказал, он продолжал вести огромную и солидную научную работу в тесном взаимодействии с коллегами, видимо, не подозревая, что его научные деятельность и интересы должны обязательно соотноситься с интересами С. М. Перевалова. Ему, наверное, не приходило в голову, что он творит не в научном сообществе, в общем научном пространстве со своими

коллегами, а принадлежит к отдельному от своих зарубежных коллег научному миру. Видимо, он не подозревал о шансе ввести работу Х. Хунгера «в научный оборот отечественной науки».

С. М. Перевалов пеняет мне, что я не высказывал претензий, ни открытой им особой научной группе «осетинских лингвистов», ни самому себе, по поводу незнания ими о находке Х. Хунгера. Но в контексте какой своей работы я касался или должен был, по его непревзойденному мнению, касаться данного вопроса? Далее С. М. Перевалов приписывает мне активное отстаивание изоляционистского «историографического подхода». Но не ему ли самому присущи на практике такие активность и подход, обеспечивая в который раз решение «щепетильного вопроса»? Не через такой подход говорится им о «45 (!)» годах неведения отечественной аланистики, чтобы особо подчеркнуть для нее важность опубликованной им в 1998 г. статьи?

На таком фоне несколько курьезно видеть в списке литературы его же статью, вышедшую на год раньше во Франции в переводе Я. Лебединского [96, р. 4-9], но не задействованную в самом тексте. Видимо, исходя из логики С. М. Перевалова, ее следовало бы рассматривать как введение в научный оборот французской аланистики или в среду «осетинских лингвистов» из числа осетинской диаспоры Франции? В самой статье 1997 г. курьезно выглядят сноски на работу Х. Хунгера, которой не нашлось места в библиографическом списке. А вот о труде Р. Бильмайера вообще не упоминается ни словом, но упоминается о статье Г. Бейли в «Encyclopædia Iranica».

Положение, когда отдельно взятым исследователям остаются не известными те или иные данные, в том числе из фондов смежных научных дисциплин, вполне понятно и объяснимо для самих же исследователей вне зависимости от места их проживания или работы, понимание чему, вроде бы, демонстрирует и сам С. М. Перевалов [54, с. 8-9]. Такая ситуация вполне спокойно корректируется представителями научного сообщества. Но С. М. Перева-

лов и здесь имеет собственные «подходы», которые он активно отстаивает. Мне он отводит «охранительный – в отношении «отечественных исследователей» настрой [56, с. 2]. Сразу могу заметить, что отечественные исследователи не нуждаются ни в моей, ни в чьей-либо другой охране. Что касается их критики С. М. Переваловым «индивидуально или *in corpora*» «за их непрофессионализм», то и без меня, без «осетинских лингвистов», без обнаруженных по известной только С. М. Перевалову статистике концентрирующихся в РСО-А «научных кадров отечественной аланистики», такая «критика» уже оценена как переходящая все грани корректности своей назидательностью и вызывающе-оскорбительной манерой [68, с. 21; 22, с. 38; 65, с. 108; 66, с. 338, 341].

Без них на конкретных примерах оценены и «подходы» С. М. Перевалова к научному исследованию, которые относятся к иному «предмету полемики», но так узнаваемы: «...он в самой категорической форме высказался в пользу первостепенной важности письменных источников (документов, согласно его определению), без опоры на которые история не может считаться достоверной. Однако практически тут же, во второй части своей работы, в пылу полемики... С. М. Перевалов наглядно демонстрирует, что же понимается под этим кредо... он предпочел привести в поддержку собственных доводов только... репрезентативную выборку соответствующих свидетельств из греческих и латинских текстов... согласно такой интерпретации источниковедческого подхода, достоверная история вполне может опираться и на толкование отдельных, субъективно подобранных сведений из письменных источников... Прорекларировав свое несогласие с точкой зрения автора... он не считал нужным серьезно ознакомиться с аргументацией в ее пользу, а решил ограничиться знакомством лишь с ее очень кратким пересказом из вторых рук... являясь на словах сторонником опоры на письменные свидетельства как основные источники (документы) для извлечения достоверной исторической

информации, на деле С. М. Перевалов при обосновании своей позиции фактически отказался от серьезного анализа всех имеющихся нарративных и документальных данных по рассматриваемому вопросу и заменил его выборочным цитированием отдельных первоисточников вкуче с историографическим и филологическим экскурсами...» [41, с. 9-12]

Следует вспомнить, что изначально, говоря об эпиграфических источниках, имеющих отношение к истории аланов, в которые включались также надпись Юлия Мансвета и жинвальская надпись, С. М. Перевалов вполне адекватно отмечал: «Я говорю только о надписях, уже введенных так или иначе в научный оборот». Для жинвальской надписи давались сноски на одну публикацию археологов Грузии, на публикации Д. Браунда и Э. Уилера [45, с. 212]. Сноска вполне отражала факт введения в научный оборот жинвальской надписи с ее «аланской составляющей». Сегодня автор заявляет, что за ним «... остается введение надписи в научный оборот отечественной науки...» [56, с. 6]. Чтобы понять такую эволюцию представлений или ранее особо не озвучивавшуюся их константу, следует, видимо, обратить внимание на следующее.

С одной стороны, С. М. Перевалов теоретически признает, что «наука – сотворчество тысяч и тысяч исследователей, делающих общее дело и представляющих результаты своего труда через публикации» [56, с. 5]. Данный подход разделяется и мною. Но, с другой стороны, С. М. Перевалову на практике «приходится констатировать, что свойственное советскому времени дистанцирование от мировой науки преодолено далеко не во всех отраслях гуманитарной науки. Поэтому и сегодня актуально нежелательное в принципе деление исторической науки на «отечественную» и «зарубежную», хотя наука по определению должна быть единой. И оценки «новизны» памятников аланской истории, увы, приходится давать с поправкой на существование различных научных сообществ: тех, кто ориентирован на международный уровень, и тех, кто довольствуется провинци-

альным... Одна из причин «неудовлетворительного состояния» – в отрыве от мирового (и прежде всего – западного) научного сообщества» [56, с. 7-8].

Таким образом, С. М. Перевалов выражает личные представления о разделенности научного пространства, противопоставляя его передовые части отсталым. Зачем понадобилась такая субъективная трактовка? Здесь вновь следует вспомнить некоторые его предшествующие утверждения, которые теперь и воспроизводятся. Уже с первых своих шагов в новом для него научном направлении С. М. Перевалов, видимо, исходя из возможностей своей узкой научной специализации, сразу стал настаивать на том, что «основными источниками по аланам древности являются источники на классических (греческом и латинском) языках...» [43, с. 96], а «наука о древних аланах, с учетом сегодняшнего ее состояния, должна быть антиковедческой дисциплиной *par excellence*» [45, с. 209]. Дальнейшее развитие таких суждений, крайне спорных [68, с. 21-22], вело к более радикальным заявлениям (курсив мой. – А. Т.): «...корпоративный дух лучше сохранился за границей; так что, говоря о «мировом опыте», мы чаще подразумеваем преимущественно опыт «западный»... Но основой наших знаний об истории аланов была и остается греко-византийская и латино-западноевропейская письменные традиции как наиболее продолжительные и связные, обладающие высокой степенью достоверности, базирующиеся на достижениях античной и средневековой историографии. Неудивительно, что *подлинно научное изучение источников, свидетельствующих об аланах, связано именно с европейской исторической наукой*» [49, с. 23].

Таким образом, выстраивается своеобразная иерархия за счет разделения научного пространства, где выделяется его вершина в лице «мирового опыта», олицетворяемого европейской исторической наукой. Она же есть вершина антиковедения, т.е. научной дисциплины, в которой специализируется С. М. Перевалов. В такой ситуации приобщение к «мировому опыту»,

от которого легко дотянуться до «мирового научного уровня», решается достаточно своеобразно через личное «приобщение» к европейской науке. Видимо, отсюда проистекает особое указание, что ссылки информативного плана на его работу с жинвальской надписью уже имеются в зарубежных изданиях [53, с. 202], цитируется его личная переписка с зарубежными исследователями, пример научного сотрудничества коллег трактуется как пример «сотворчества с «западным ученым» [56, с. 6, 9-10]. Уже с такой «высоты» и возможно говорить о собственных приоритетах во «...введении надписи в научный оборот отечественной науки...». С. М. Перевалов полагает, что излишняя скромность – «...это скорее недостаток, чем достоинство для ученого» [56, с. 5]. На мой взгляд, как скромность, так и нескромность – личностные качества, которые могут проявляться в любой сфере, в том числе и научной.

Возможно, в такой ситуации следует, например, упомянуть об информации о находке слова *ældar* на гемме из Средней Азии [91, р. 81] или слова ПАКАΘАР на левой стороне средневекового надгробия, найденного возле р. Чегем, которое может быть сопоставлено с соответствующим именем Зеленчукской надписи [90, р. 183]. Я не могу считать их своим «введением в научный оборот отечественной науки»,

которое сам бы для себя назвал «научным культуртрегерством», поскольку и на практике считаю научное пространство единым. Но, возможно, исходя из своих представлений, это поможет С. М. Перевалову избежать исканий «в безбрежном океане книг», «пропуская бесполезные», но пополнить свой каталог «аланской эпиграфики». Собственно, саму такую работу следовало бы приветствовать, как приветствовалась работа А. Алемани, справедливо названная В. Б. Ковалевской «монументальной компиляцией» [32, с. 597]. Такая компиляция «аланской эпиграфики» С. М. Переваловым будет полезна, даже если он сам ее посчитает, как сделал при характеристике труда А. Алемани, тем трудом, с которого «возможно... будут вести отсчет нового этапа в развитии алановедения...» [47, с. 195]

Отдаю себе отчет, что мои заметки несколько не убедят полемиста ни по одному из вопросов. Отдаю себе отчет и в том, что продолжение полемики будет только плодить предсказуемые с его стороны декларации. Но инициированную им «полемику» не считаю бесполезной. Мне она позволила еще более утвердиться в своих наблюдениях, а в целом – определиться в наличии различных представлений о процессе научного исследования, научном пространстве и месте в нем отдельного исследователя.

1. *Абаев В. И.* ALANICA // Известия Академии наук СССР. М., 1935. № 9.
2. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1958. Т. I.
3. *Абаев В. И.* Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. Т. 1.
4. *Абаев В. И.* Избранные труды. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995.
5. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. М., 1995.
6. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
7. *Асатиани Л. Ю.* К этимологии грузинских гидронимов RIONI I ARAGVWI // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.
8. *Балахванцев А. С.* Царь Флавий Дад // Нумизматика и эпиграфика. М., 2005. Т. XVII.
9. *Балахванцев А. С.* Эпиграфические памятники из Иберии (Восточная Грузия): addenda et corrigenda // Международная научно-практическая конференция «Восток в эпоху древности. Новые методы исследований: междисциплинарный подход, обще-

- ство и природная среда». ТД. М., 2007.
10. *Балахванцев А. С.* Сарматы I-IV вв. н.э. по данным античных авторов // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV: Позднесарматская культура. М., 2009.
  11. *Балахванцев А., Николайшвили В.* «Бакур-алан» из Древней Иберии // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 25-27 июня 2009 года. Тбилиси, 2010.
  12. *Балахванцев А., Николайшвили В.* «Алан Бакур» из Древней Иберии // РА. 2010. № 4.
  13. *Белецкий Д. В.* Граффити из Авд дзуара // Историко-филологический архив. 5. Владикавказ, 2004.
  14. *Бибиков М. В.* Этнический облик Северного Причерноморья по данным Иоанна Цеца // *Études balkaniques*. Sofia. 1976. № 4.
  15. *Браунд Д.* Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. 1991. № 4.
  16. *Вайнберг Б. И.* Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. М., 1999.
  17. *Габуев Т. А., Малашев В. Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.
  18. *Гаглойти Ю. С.* Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007.
  19. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. II.
  20. *Генко А. Н.* Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии Востоковедов. Л., 1930. Т. V.
  21. *Георгиев В. И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958.
  22. *Глебов В. П.* Погребение с монетами из могильника Шаумяна и вопросы хронологии среднесарматской культуры // *Донская археология*. 2002. № 1-2.
  23. *Гугуев Ю. К., Глебов В. П., Сергацков И. В.* Сарматские курганы на Иловле. С. 396. Волгоград, 2000 // *Донская археология*. 2002. № 1-2.
  24. *Дегтярева Т. А.* Пути развития современной лингвистики. М., 1961. Т. I.
  25. *Дзиццойты Ю. А.* Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в Нартовском эпосе. Владикавказ, 1992.
  26. *Дзиццойты Ю. А.* К этимологии термина *nart* // *NARTAMONGÆ*. 2008. Vol. V. № 1, 2.
  27. *Дзиццойты Ю. А.* Кавказская Скифия // ИЮОНИИ. 2009. Вып. XXXVIII.
  28. *Исаев М. И.* Осетинский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987.
  29. *Исаев М. И.* Аланский язык // Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. М., 1999.
  30. *Камболов Т. Т.* Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.
  31. *Ковалевская В. Б.* Методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н. э. в Закавказье // *Аланы и Кавказ. Alanica-II*. Владикавказ-Цхинвал, 1992.
  32. *Ковалевская В. Б.* Послесловие к изданию на русском языке // *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
  33. *Коков Дж. Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.
  34. *Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. Ю.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.

35. Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965.
36. Лелеков Л. А. Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.
37. Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965.
38. Мирианашвили Н. Г. Материальная культура Шида Картли (археологические памятники Агаиани). Труды Настакисской археологической экспедиции. Тбилиси, 1983. Т. II (на груз. яз.).
39. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
40. Николайшвили В. В., Чихладзе В. В. Жинвальский могильник (по материалам 1974 г.) // Жинвальская экспедиция (материалы второй научной сессии). Тбилиси, 1980.
41. Никоноров В. П. Вступительное слово // Хазанов А. М. Избранные научные труды. СПб., 2008.
42. Оранский И. М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
43. Перевалов С. М. Как создаются мифы (к ситуации в отечественном алановедении) // Историко-археологический альманах. М.-Армавир, 1998. Вып. 4.
44. Перевалов С. М. Аланы в надписях I-III вв. // XXII Крупновские чтения. ТД. Ессентуки-Кисловодск, 2002.
45. Перевалов С. М. Современное состояние аланских исследований в России (По поводу книги: Т. А. Габуев. Ранняя история алан по данным письменных источников) // ВДИ. 2002. № 2.
46. Перевалов С. М. Бакур-алан из древней Иберии // NARTAMONGÆ. 2003. Vol. II. № 1-2.
47. Перевалов С. М. Аланский мир от Испании до Китая // NARTAMONGÆ. 2003a. Vol. II. № 1-2.
48. Перевалов С. М. Памятники аланского языка и аланской письменности: современное состояние вопроса // Иран: культурно-историческая традиция и динамика развития. Материалы международной конференции. М., 2006.
49. Перевалов С. М. Ex fonte bibere. Актуальная проблема отечественного алановедения // Гуманитарная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 2006. № 1.
50. Перевалов С. М. Легионы кавказского лимеса // Вестник ВНИЦ, 2007. Т. 7. № 4.
51. Перевалов С. М. Из истории открытия Петербургской рукописи БАН Q 12 с аланскими глоссами // Вестник ВНИЦ, 2007. Т. 7. № 1.
52. Перевалов С. М. Аланская эпиграфика: состояние и перспективы // I Всероссийские Миллеровские чтения. ТД. Владикавказ, 2008.
53. Перевалов С. М. Древнейшая аланская надпись: pro et contra // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 24-26 июня 2010 г. Карачаевск, 2010.
54. Перевалов С. М. Аланская эпиграфика. 1. Каталог греческих надписей // Вестник ВНИЦ, 2011. Т. 11. № 1.
55. Перевалов С. М. Аланская эпиграфика. 2. Каталог латинских надписей // Вестник ВНИЦ, 2011. Т. 11. № 2.
56. Перевалов С. М. Заметки к чтению «старых и новых» памятников аланского имени и аланского языка // Вестник ВНИЦ, 2012. Т. 12. № 4.
57. Рамишвили Р. М., Джорбенадзе В. А. Археологические исследования в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1976.
58. Рамишвили Р. М., Джорбенадзе В. А., Каландадзе З. А., Николайшвили В. В., Рчеулишвили Г. М., Маргвелашвили М. Г., Чихладзе В. В., Циклаури И. Д., Асланишвили В. О.,

- Бакрадзе И. У., Глонти М. Г., Бедукидзе И. Я. Исследования в зоне затопления Жинвальского водохранилища // Археологические открытия 1974 года. М., 1975.
59. Рамишвили Р., Джорбенадзе В., Каландадзе З., Николайшвили В., Маргвелашвили М., Рчеулишвили Г., Чихладзе В., Циклаури И., Асланишвили В., Глонти М., Церетели К., Бакрадзе И. Археологические изыскания в Арагвском ущелье // Полевые археологические исследования в 1974 году (краткие сообщения). Тбилиси, 1976.
60. Расторгуева В. С. Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков: Фонология. М., 1990.
61. Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М., 2000. Т. I.
62. Сидоренко В. А. Фрагмент декрета раннеримского времени из раскопок под Мангупом // Тезисы докладов крымской научной конференции «Проблемы античной культуры» 19-24 сентября 1988 г. Симферополь, 1988. Ч. I.
63. Сидоренко В. А. Некоторые ключевые моменты раннесредневековой истории Таврики // Тезисы международной конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье (IV-IX вв.)». Симферополь, 1994.
64. Сидоренко В. А. Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангупом // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996. Вып. V.
65. Симоненко А. В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1.
66. Симоненко А. В. Сарматоведение между наукой и фантазией // XXV Крупновские чтения. ТД. Владикавказ, 2008.
67. Скрипкин А. С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1.
68. Скрипкин А. С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // Историко-археологический альманах. М.-Армавир, 2001. Вып. 7.
69. Сосиашвили Г. Из истории религиозной жизни осетин // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 25-27 июня 2009 года. Тбилиси, 2010.
70. Тарасюк Л. И. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи // КСИИМК. 1956. Вып. 63.
71. Туаллагов А. А. Сведения «Ашхарацуц» об аланах // Известия СОИГСИ. 2010. Вып. 4 (43).
72. Туаллагов А. А. Всеволод Федорович Миллер и осетиноведение. Владикавказ, 2010.
73. Туаллагов А. А. Аланы Центрального Предкавказья и «новые» эпиграфические памятники (некоторые вопросы историографии) // Материалы и исследования по отечественной и зарубежной истории: К 70-летию доктора исторических наук профессора А. А. Кудрявцева. Ставрополь, 2011.
74. Федоров Я. А. Горы и степь (Страницы этнической истории Северного Кавказа эпохи бронзы) // ВМГУ. Серия VIII. История. 1978. № 1.
75. Чёнг Дж. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ-Цхинвал, 2008.
76. Чихладзе В. В. Жинвальские катакомбы. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).
77. Чихладзе В. Катакомбные погребения Жинвали // Международная научная конференция «Археология (IV) и этнология (III) Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2002.
78. Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.

79. *Щукин М. Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
80. *Щукин М. Б.* Две реплики: по поводу Фарзоя и надписи из Мангупа, царя Артавазда и погребения в Косике // ВДИ. 1995. № 4.
81. *Яценко С. А.* К дискуссии об оформлении этнокультурных общностей кочевников Азиатской Сарматии 2-й пол. II – 1-й пол. III (http://www.bulgari_istoria_2010.com/bookRu/S_Jacenko_kochevniki_Aziatskoi_Sarmatii.pdf).
82. *Abaev V. I.* Isoglosse scito-europee // *Studia classica et orientalia*. Roma, 1969. Vol. I.
83. *Abaev V. I., Bailey H. W.* Alans // *Encyclopædia Iranica*. 1985. Vol. I. Fasc. 8.
84. *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
85. *Bielmeier R.* Sarmatisch, Alanisch, Jassisch und Altossetisch // *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden, 1989.
86. *Bielmeier R.* Das Alanische bei Tzetzes // *Medioiranica*. Proceedings of the International Colloquium organized by the Katholieke Universiteit Leuven from the 21st to the 23rd of May 1990. Leuven, 1993.
87. *Braund D.* Georgia in Antiquity: a History of Colchis and Transcaucasian Iberia (550 BC-AD 562). Oxford, 1994.
88. *Dzitstsojty Jurij.* A Propos of Modern Hypotheses on the Origin of Scythian Language // *Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes*. International & Interdisciplinary Conference. Barcelona, 2007.
89. *Engberg E., Lubotsky A.* Alanic Marginal Notes in a Byzantine Manuscript: a Preliminary Report // *NARTAMONGÆ*. 2003. Vol. II. № 1-2.
90. *Fritz S., Gippert J.* Nartica I: The Historical Satana Revisited // *NARTAMONGÆ*. 2005. Vol. III. № 1-2.
91. *Frye R. N.* Ossete-Central Asian Connections // *Studia Iranica et Alanica*. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovich Abaev on the Occasion of His 95th Birthday. Serie orientale Roma. Rome. 1998. Vol. LXXXII.
92. *Hübschmann H.* Etymologie und Lautlehre der ossetischen sprache. Strassburg, 1887.
93. *Ivanov S. A., Lubotsky A.* An Alanic Marginal Note and the Exact Date of John II's Battle with the Pechenegs // *Byzantinische Zeitschrift*. 2011. Vol. 103/2.
94. *Kambolov T.* Some New Observations on the Zelenchuk Inscription and Tzetzes' Alanic Phrases // *Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes*. International & Interdisciplinary Conference. Barcelona, 2007.
95. *Miller V. F.* Beiträge zur Ossetischen Etimologie // *Indogermanische Forschungen*. Berlin, 1907. Bd. 21.
96. *Perevalov Sergeï M.* Les phrases alaines de Tzetzes // *D'Ossétie et d'Alentuor*. Bulletin de l'association ossète en France. Paris, 1977. № 3.
97. *Premestain A.* Untersuchungen zur Geschichte des Kaiser Marcus // *Klio*. 1911. T. XI.
98. *Wheeler E. L.* A New Book on Ancient Georgia: A Critical Discussion // *The Annual of the Society for the Study of Caucasia*. 6-7 (1994-1996). 1997.
99. *Wheeler E. L.* From Pityus to Zeugma: The Northern Sector of the Eastern Frontier 1983-1996 // *Roman Frontier Studies*. Proceedings of the XVIIth International Congress of Roman Frontier Studies. 1997. Žalau, 1999.
100. *Zgusta L.* Die Personennamen griechische Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.